

ления территории Эстонской ССР. — В кн.: ВЭИ. Галлин: Эстонское государственное изд-во, 1955.

16. Лозе И. А. Взаимоотношение балтских и прибалтийско-финских культур на территории Латвии в эпоху неолита. — В кн.: Проблемы этнической истории балтов (тезисы конференции). Рига: Зинатне, 1977.
17. Rimantiņē R. Šventoji. Pamariņ kultūros gyvenvietēs. — V.: Moksas, 1980, t. 2.
18. Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. — Рига: Зинатне, 1975.

DIE NARVA-KULTUREN UND IHRE ROLLE BEI DER ETHNOGENESE DER VÖLKER DES BALTIKUMS

I. Lose

Zusammenfassung

Die frühneolithische Narva-Kultur stellt für den Forscher, der sich mit Fragen der Ethnogenese der Völker des Ostbaltikums beschäftigt, eine sehr interessante Erscheinung dar. Die Anfänge dieser Kultur wurzeln im Spätmesolithikum.

In der Narva-Kultur sind drei lokale Varianten — eine nördliche, eine nordöstliche und eine südwestliche zu unterscheiden, deren jede ihre Besonderheiten aufweisen. Dieselben äussern sich im Gebrauch unterschiedlich geformter Knochen- und Horngeräte sowie in spezifischen Formen und Ornamenten der Keramik.

Die Vermutung liegt nahe, dass das Ethnos der Narva-Kultur mehrere Komponenten umfasste, die die Struktur der Ornamentmotive der Keramik beeinflussten (Abb. 2).

Es lassen sich zwei Gruppen von Ornamentmotiven unterscheiden, deren Verbreitungsgebiete sich im Areal der nordöstlichen Variante der Narva-Kultur teilweise überschneiden. Dieser Umstand ist entsprechend der in der sowjetischen Ethnographie und Archäologie bestehenden Auffassung, die dem Ornament eine ethnische Bedeutung beimisst, als ein Hinweis darauf zu betrachten, dass die Narva-Kultur einen ethnisch gemischten Charakter trug. Es ist überaus möglich, dass eine der Komponenten der Narva-Kultur eben dasjenige Bevölkerungselement darstellte, im dem die älteste protobaltische Bevölkerung ihren Ursprung hatte. Ethnisch einheitlich war augenscheinlich nur die südwestliche Variante dieser Kultur, während die Bevölkerung der übrigen Territorien gemischt war und unter dem Einschluss einer Komponente stand, die vermutlich mit den entferntesten Vorfahren der Ostseefinnen identisch war. Insofern ist die Narva-Kultur als eine ethnisch komplizierte Struktur zu betrachten; gewissermassen als eine Basis, in der möglicherweise der Ursprung mehrerer Völker des Ostbaltikums zu suchen ist.

ДНЕПРОВСКИЕ БАЛТЫ

В. В. Седов (Москва)

Прибалтийская языковая общность, судя по данным современной науки, относится в основном ко II тысячелетию до н. э. Как свидетельствуют диалектологические материалы, к середине I тысячелетия до н. э. общебалтийский язык дифференцировался на ряд диалектных групп [1, р. 5–7]. Об этом же говорят и данные археологии: в начале железного века, который в лесной полосе Восточной Европы относится к VII в. до н. э., культурного единства балтских племен, заселявших в это время обширные пространства от юго-восточного побережья Балтийского моря на западе до верховьев Оки и среднего течения Днепра на юго-востоке, уже не существовало.

Одну из древних диалектно-племенных группировок балтов составляли племена, занимавшие области Верхнего Поднепровья со смежными территориями Западнодвинского и Окского бассейнов. По географическому положению они именуется днепровскими балтами. Язык их не дошел до нашего времени. В раннем средневековье в ареале днепровских балтов расселились славянские племена. В результате длительного проживания славян и балтов на одной территории последние были постепенно славянизированы и вошли в состав древнерусской народности [2, с. 77–161].

Балтское население Поднепровья оставило мощный пласт в гидронимии региона. Попытки диалектной характеристики и дифференциации балтской гидронимии Поднепровья, предпринимаемые исследователями, пока не дали положительных результатов. Так, В. Н. Топоров и О. Н. Трубочев в этой связи ограничились выделением некоторых изоглосс [3, с. 236–241]. Сопоставление их с археологическими ареалами раннего железного века позволяет говорить лишь о большей или меньшей концентрации водных названий того или иного типа в пределах той или другой археологической культуры. Вместе с тем, те же типы гидронимов оказываются и далеко за пределами археологических культур, на территории которых они концентрируются [2, с. 24, 25, 30, рис. 8].

Вероятно, это обусловлено тем, что балтская гидронимия формировалась и откладывалась в Поднепровье и смежных областях весьма длительное время, начиная со II тысячелетия до н. э. вплоть до славянского расселения во второй половине I тысячелетия н. э. В это время происходили неоднократные, более или менее значительные перемещения различных балтских племен, что не могло не привести к некоторой чересполосице в распределении однотипных водных названий балтского происхождения. Безусловно, картина расселения балтских племен, как она рисуется только на материалах начала железного века, не отражает всей сложности расселения и миграционных процессов балтов Поднепровья на протяжении двух с половиной тысяч лет.

Поэтому основным источником изучения истории днепровских балтов пока служат материалы археологии. Днепровскими балтами следует называть далеко не все балтоязычное население, обитавшее длительное время в бассейне Днепра. Днепровские балты — группа родственных племен, которые известны нам по древностям раннего железного века, относящимся к весьма близким между собой днепро-двинской, юхновской и верхнеокской культурам (рис. 1).

Ареал днепро-двинской культуры охватывает Смоленское Поднепровье и полоцко-витебскую часть бассейна Западной Двины [2, с. 25–30; 4, с. 213–224]. Начало этой культуры определяется VII в. до н. э. Основным типом поселения были городища площадью от 0,3 до 3 тыс. м², устроенные на речных мысах или холмах-останцах. Искусственные оборонительные сооружения на них создаются в основном около середины I тысячелетия до н. э. Жизнь на городищах продолжалась до III–IV вв. н. э., когда их обитатели, по-видимому, в связи с возросшей ролью земледелия, стали постепенно переходить на открытые поселения.

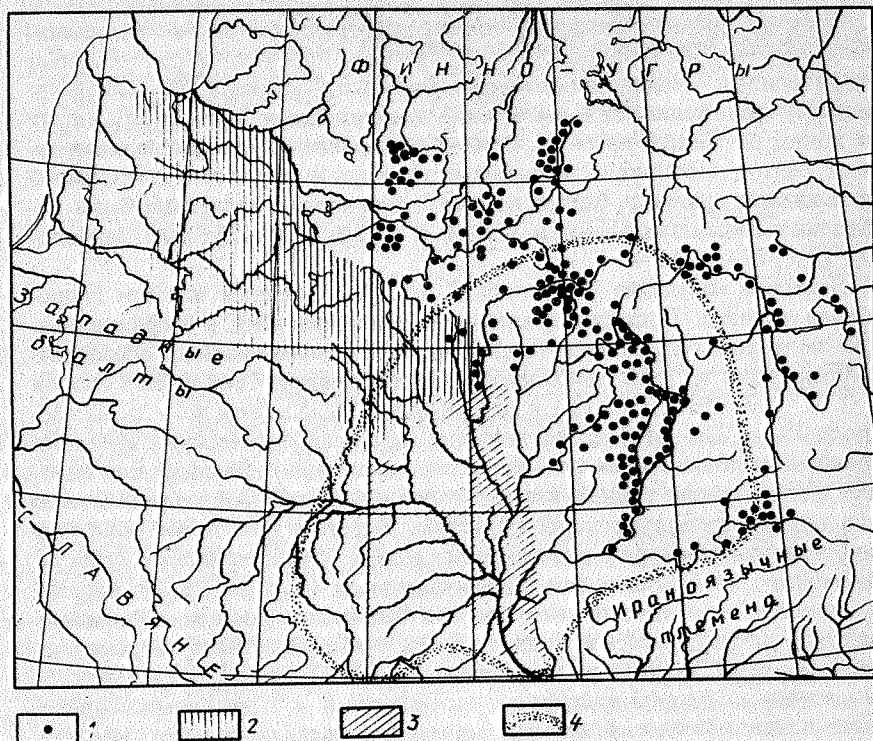

Рис. 1. Днепро-Дальние в раннем железном веке: 1 — памятники днепро-двинской, юховской и верхнеокской культур (днепровские балты); 2 — ареал культуры штрихованной керамики; 3 — ареал милоградской культуры; 4 — граница распространения сосницкой культуры на поздней стадии (по И. И. Артеменко)

Древнейшей формой жилищ были наземные длинные дома столбовой конструкции, разделенные на несколько примыкающих друг к другу жилых помещений размерами около 3,5х3,5—4 м. Жилища отапливали ямными очагами, устроенными в земляном полу, иногда они обкладывались камнями. В позднее время на днепро-двинских городищах получают распространение небольшие наземные четырехугольные жилища размерами до 5х6 м. Основой хозяйственной деятельности носителей днепро-двинской культуры было скотоводство при подсобной роли подсечного земледелия. Погребальные памятники днепро-двинских племен неизвестны, очевидно, здесь господствовал такой похоронный обряд, который не фиксируется археологией.

Основные формы днепро-двинской керамики — слабопрофилированные горшки и баночные сосуды. Горшки обычно усеченно-конические, имеют расширяющееся сверху тулово, слабовыраженные плечики и прямой или слегка отогнутый наружу венчик. Орнаментация отсутствует, лишь изредка встречаются ямочные вдавления.

На юго-востоке ареал днепро-двинской культуры вплотную соприкасается с ареалами юховской (деснинской) и верхнеокской культур. Область распространения юховской культуры — бассейн Десны с правобережной частью Посеймья [2, с. 31, 32; 5, с. 163—170]. Основные элементы культуры тождественны днепро-двинским. Юховские городища по внешнему виду не отличимы от днепро-двинских, их площадь 0,2—1 га, площадки с напольной стороны были защищены валом и рвом. Керамика представлена слабопрофилированными горшками усеченно-конической формы. От днепро-двинских сосудов они отличаются только наличием орнаментации из различных комбинаций ямочных вдавлений. Юховские жилища — наземные постройки столбовой конструкции с глиняными полами. Очаги — открытые кострища, иногда сооруженные из глины. Погребальные древности юховских племен неизвестны.

Ареал верхнеокской культуры — бассейн верхнего течения Оки [2, с. 32, 33; 6, с. 14—36]. По своему положению, устройству и домостроительству верхнеокские городища тождественны деснинским. Керамика верхнеокских поселений по формам близка к юховской и днепро-двинской. Это слабопрофилированные горшки с прямым или слабо отогнутым венчиком и баночные сосуды. По орнаментации верхнеокская керамика сходна с юховской, но процент орнаментированной посуды здесь невелик. Жилища — наземные постройки столбовой конструкции. На некоторых поселениях раскопками открыты длинные прямоугольные дома, разделенные на 2-3 жилых помещения. Погребальные памятники на верхней Оке также неизвестны. Ведущей отраслью хозяйства юховских и верхнеокских племен было животноводство при подсобной роли земледелия.

В Днепровском бассейне находятся также целиком ареал милоградской культуры и частично ареал культуры штрихованной керамики. Однако относить эти культуры к диалектно-племенной группировке днепровских балтов нельзя. Милоградская культура заметно выделяется среди описанных древностей днепровских балтов [2, с. 34—36; 7]. Основной тип керамики — горшки с яйцевидной или шаровидной формой тулова. Орнаментация — пальцевые и ногтевые вдавления, ямочные и точечные наколы. Милоградские жилища — небольшие, слегка опущенные в землю или наземные постройки, рассчитанные на одну семью. В отличие от археологических культур днепровских балтов, погребальные памятники которых остаются неизвестными, на территории милоградской культуры изучены курганные и бескурганные могильники. Первые характерны для Припятского региона, а в Приднепровье и на Киевщине распространены грунтовые могильники. На Горыне и в верховьях Южного Буга зарегистрирован обряд труположения, в остальных районах захоронения совершались по обряду кремации. Вполне очевидно, что если милоградские племена принадлежали к балтской этноязыковой общности, то их следует выделить в особую диалектно-племенную группу.

Иную, отличную от днепровской, диалектно-племенную группу бал-

тов составляли и племена культуры штрихованной керамики, о чем свидетельствует не только своеобразие древностей этой культуры, но и участие этих племен в этногенезе раннесредневековых литовских и латышских племен в качестве основного компонента.

Выделяются культуры раннего железного века, относимые к днепровским балтам, и по своему происхождению. В середине II тысячелетия до н. э. в Среднем и Верхнем Поднепровье на основе позднего этапа среднеднепровской культуры складывается сосницкая, просуществовавшая до конца IX в. до н. э. Территориально она охватывает области Поднепровья, позднее принадлежавшие юховской и днепро-двинской культурам (см. рис. 1). Как показали исследования И. И. Артеменко, керамика позднего этапа сосницкой культуры по формам и орнаментации, а иногда и по составу теста и даже обжига обнаруживает поразительное сходство с юховской и днепро-двинской (а следовательно, и верхнеокской). Преемственность проявляется и в домостроительстве [8, с. 57–59]. Близость основных элементов сосницкой культуры с юховскими и днепро-двинскими позволяет говорить о генетической связи между этими культурами, о формировании культур днепровских балтов на основе сосницкой.

Если на западе днепровские балты вплотную соприкасались с другими племенными группами той же этноязыковой общности, то на севере и северо-востоке соседями их были финно-угорские племена — носители культуры текстильной керамики. На юге днепровские балты контактировали с ираноязычным населением. В бассейне Сейма и в верховьях Оки происходило территориальное смешение балтского населения с носителями скифской лесостепной культуры. Выявленные археологами [9, с. 52–62; 10, с. 14–23] контакты днепровских балтов с ираноязычным населением в деталях совпадают с наблюдениями лингвистов [3, с. 231, 232].

На рубеже I–II вв. н. э. наблюдается миграция племен зарубинецкой культуры из Припятского Полесья и среднеднепровских земель в северо-восточном направлении. В результате взаимодействия зарубинецкого населения с юховскими племенами Подесенья формируется почепская культура [11, с. 56–71; 12, с. 47–62]. Для нее остаются характерными наземные дома столбовой конструкции, но вместе с тем появляются полуземляночные жилища милоградско-зарубинецкого облика. Керамический материал почепской культуры — горшки и реберчатые миски — во многом напоминает зарубинецкую глиняную посуду.

С II–III вв. н. э. потомки зарубинецкого населения, смешанного с юховским, из Подесенья расселяются на территории верхней Оки. В культуре верхнеокских племен получают распространение полуземляночные жилища, хотя продолжают бытовать и наземные постройки столбовой конструкции. В культуре верхнеокских племен появляются новые элементы, генетически не связанные с местной культурой. Таковы сосуды с черной и светло-коричневой лощеной поверхностью, теснейшим образом связанные по формам и фактуре с лощеной посудой

деснинских поселений первых веков н. э. На основе смешения местных и пришлых элементов в бассейне верхней Оки формируется мощинская культура [5, с. 234, 235; 6, с. 37–57]. Носителями этой культуры, согласно русским летописям, были предки голяди, о чем отчетливо свидетельствует картография топонимов и гидронимов, производных от этого этнонима. Древняя гидронимия бассейна верхней Оки, как и других земель, принадлежавших днепровским балтам, носит восточнобалтский характер. Вместе с тем в регионе мощинской культуры имеется пласт водных названий западнобалтских типов [13, с. 131–136]. По-видимому, днепровские балты — носители верхнеокской культуры эпохи раннего железа — были ассимилированы пришлыми, также балтоязычными племенами, принадлежащими западной ветви.

В областях расселения днепровских балтов, не затронутых миграциями зарубинецких племен, культура развивалась спокойно, без скачков. Постепенно на основе днепро-двинской культуры Смоленского Поднепровья и полоцко-витебской части Западнодвинского бассейна в середине I тысячелетия н. э. формируется тушемлинско-банцеровская [2, с. 48–53], которая распространяется также в восточной (белорусской) части ареала культуры штрихованной керамики. Непосредственного влияния эта культура на тушемлинско-банцеровскую не оказала. Напротив, в середине I тысячелетия н. э. в этом регионе заметны коренные изменения в керамике, некоторые сдвиги в характере поселений и домостроительстве. По-видимому, это обусловлено инфильтрацией днепровских балтов в среду племен культуры штрихованной керамики.

Основной формой поселений тушемлинско-банцеровской культуры были селища. Это сравнительно небольшие поселения, как правило, с бедным культурным слоем. Основным типом жилищ были наземные постройки, продолжавшие традиции древнего домостроительства.

К этой культуре принадлежат также городища-убежища (Тушмя, Городок, Акатово, Банцеровщина и др.). Сооружались они по единому плану — наземные постройки столбовой конструкции располагались по периметру городищенской площадки, примыкая к валу, а середина оставалась незастроенной. Некоторые городища использовались как языческие культовые места [14, с. 59–70]. Известны и погребальные памятники тушемлинско-банцеровской культуры — бескурганые могильники с захоронениями по обряду кремации (Акатово, Узмень и др.).

Преобладающим типом керамики были горшки со слабой профилировкой. Тулово их от дна постепенно расширяется, затем образуется несколько суженная горловина со слегка отогнутым венчиком (некоторые тюльпановидной формы). Реже встречаются сосуды, близкие к баночной форме. Орнаментация на посуде отсутствует. На основе изучения керамического материала смоленских поселений П. Н. Третьяков показал генетическую преемственность тушемлинской керамики с днепро-двинской [14, с. 42, 92]. Такая же эволюция прослеживается и в других регионах днепро-двинской культуры. В целом тушемлинско-банцеровская культура датируется периодом от V до VII–VIII вв. н. э.

В середине I тысячелетия н. э. в южной левобережной части Верхнего Поднепровья (Подесенье, Гомельское поречье Днепра, верховья Сулы и Псла) складывается колочинская культура, во многом идентичная тушемлинско-банцеровской. Иногда эти древности объединяются в единую культуру — типа Тушемли-Банцеровщины-Колочина. Весь этот регион характеризуется очень близкими между собой глиняными сосудами, составляющими основную массу керамики поселений. Однороден в регионе и погребальный обряд, в области колочинских древностей известны такие же грунтовые могильники с захоронениями по обряду сожжения. Колочинский регион отличается от тушемлинско-банцеровского лишь по характеру домостроительства. На поселениях типа Колочина господствуют небольшие полуземляночные жилища (размерами от 3х3 до 4х4 м при глубине котлована 0,3–0,8 м) с опорным столбом в центре и открытым очагом в срединной части [15, с. 59–62; 16, с. 23–29]. По своему строению и интерьеру они этнографически отличаются от синхронных славянских полуземлянок, хорошо известных на широкой территории от Эльбы до Среднего Поднепровья [17, с. 17–29; 18, с. 56–69].

Происхождение колочинской культуры во всех деталях пока не исследовано, но, несомненно, она имеет местные корни в древностях Днепровского левобережья предшествующего времени. Местного происхождения и полуземлянки столбовой конструкции с опорным столбом и очагом в срединной части. Некоторые формы колочинской посуды могут быть эволюционно выделены из почепских. Вместе с тем на формирование колочинских древностей, по всей вероятности, повлиял приток нового населения из более северных балтских земель. Это обнаруживается прежде всего в керамических материалах — преобладающие формы колочинского комплекса керамики имеют аналогии в тушемлинско-банцеровской посуде, развившейся из днепровской.

На основе немногочисленных вещевых находок колочинские древности относятся к V–VII вв. Неславянская принадлежность их определяется не только важнейшими элементами этой культуры — керамическим материалом и домостроительством, но и тем, что она не прослеживается в славянских древностях последней четверти I тысячелетия н. э.

Таким образом, днепровские балты в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. представлены древностями типа Тушемли-Банцеровщины-Колочина, они занимали значительные области Верхнего Поднепровья с примыкающими к нему землями Западнодвинского бассейна (рис. 2).

Дальнейшая история днепровских балтов непосредственно связана с восточнославянской археологией. Начиная с VI в. на территории поселения днепровских балтов фиксируются славянские культурные элементы, свидетельствующие о начале инфильтрации славян в балтскую среду. Это проявляется прежде всего в распространении в разных местах Верхнего Поднепровья полуземляночных жилищ с печами-каменками и типично славянским интерьером. Такие жилища выявлены при раскоп-

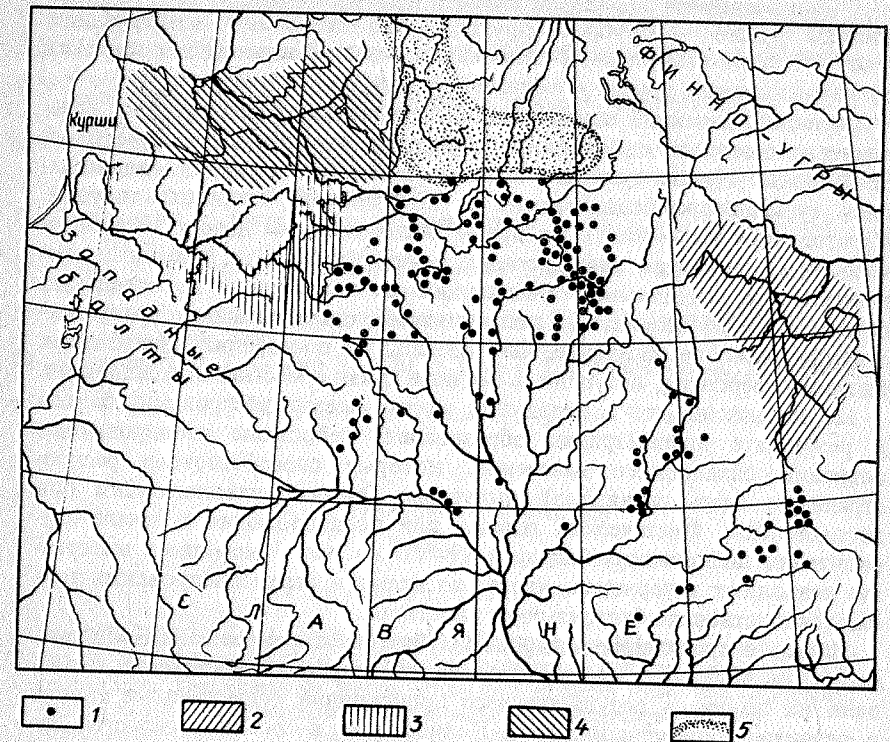

Рис. 2. Днепровские балты третьей четверти I тысячелетия н. э.: 1 — памятники типа Тушемли-Банцеровщины-Колочина (днепровские балты); 2 — ареал мощинской культуры; 3 — регион литовских племен; 4 — регион латышских племен; 5 — ареал ранних длинных курганов

ках двух поселений в среднем течении Десны — Целиков Бугор и Стрелица [15, с. 110–112; 16, с. 26, 27], на селище Щатково в нижнем течении Березины [4, с. 170, 171], в Тайманово на Могилевщине [4, с. 173] и далее далеко на северо-западе, в бассейне Вилии (Нярис) у д. Городище Мядельского р-на [19, с. 240–252]. Большинство жилищ на этих поселениях были постройками колочинского или тушемлинско-банцеровского типов. Очевидно, эти селища принадлежали местным балтам, к которым подселелись славяне. Керамический материал их не отражает славянского проникновения.

Сочетание наземного домостроительства днепровско-балтского типа с полуземляночными жилищами славянского облика свойственно также селищу Дедиловичи (Замковая Гора) Борисовского р-на Минской обл. [20, с. 94–99]. По всей вероятности, славянский компонент на этом поселении составлял значительный процент. Однако вся керамика носит тушемлинско-банцеровский облик. В единичных поселениях выявлены постройки, сочетающие в себе славянские и балтские черты. Так, на селище близ д. Ревячки Мядельского р-на исследованы два наземных

жилища (одно — срубное, другое — со столбовой конструкцией стен) с печами-каменками (одна из них — полуземляночная постройка с печью-каменкой, другая — с очагом в углу)[20, с. 85—87].

Очевидно, в ранний период славянской инфильтрации пришлое население не создавало собственных поселений, а подселалось к местным обитателям. Нужно полагать, славяне в балтском регионе пользовались тушемлинско-банщеровской и колочинской глиняной посудой. Изготовление керамики в то время было женским делом. Не исключено, что славянская инфильтрация осуществлялась не большими племенами или общинными объединениями, состоящими из отдельных семей, а разночисленными коллективами, включающими преимущественно мужское население. Они оседали на поселениях днепровских балтов и, вероятно, вступали в брачные связи с местными женщинами.

Не исключено, что в отдельных местах ареала днепровских балтов в результате инфильтрации образовались небольшие изолированные островки славянского населения, которые способствовали распространению здесь славянской культуры. Однако археологически они не выявлены. Фактических данных для предположения о начале славянизации днепровских балтов в VI—VII вв. нет. Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что в это время в верхнеднепровских землях господствовало балтоязычное население.

Начало славянизации днепровских балтов относится к VIII—IX вв., когда значительные массы славянского населения постепенно осваивали их земли, в результате чего происходили существенные сдвиги в развитии культуры Верхнего Поднепровья и соседних областей Западнодвинского бассейна [2, с. 77—192].

ЛИТЕРАТУРА

1. Mažiulis V. Apie senovės vakarų baltus bei jų santykius su slavais, ilirais ir germanais. — In: Iš lietuvių etnogenezės. V.: Mokslas, 1981.
2. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвизья. — М.: Наука, 1970.
3. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.
4. Очерки по археологии Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1970, ч. 1.
5. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М.—Л.: Наука, 1966.
6. Никольская Т. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. — МИА, 1959, № 72.
7. Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. — М.: Наука, 1967.
8. Артеменко И. И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М.: ИА АН СССР, 1977.
9. Седов В. В. Балто-иранский контакт в Днепровском левобережье. — СА, 1965, № 4.
10. Никольская Т. Н. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и верхней Оки (К вопросу о балто-иранском контакте). — КСИА, 1969, № 119.
11. Амброз А. К. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. — СА, 1964, № 1.

12. Пронин Г. Н. Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа. — СА, 1979, № 1.
13. Седов В. В. Гидронимия голяди. — В кн.: Питання гідроніміки. Київ: Наукова думка, 1971.
14. Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
15. Третьяков П. Н. Древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
16. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. — Л.: Наука, 1981.
17. Баран В. Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. — Київ: Наукова думка, 1972.
18. Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7. bis 12. Jahrhundert. — Berlin: Akademie Verlag, 1980.
19. Митрофанов А. Г. Селище VI—VIII вв. близ д. Городище. — В кн.: ДБ. Минск, 1969.
20. Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1978.

DIE DNEPRGRUPPE DER BALTEN

W. Sedow

Zusammenfassung

Die Balten, eine besondere Ethno- und Sprachgruppe der indoeuropäischen Völker, entstanden im 2. Jahrtausend v. u. Z. Danach verbreiteten sie sich über weite Gebiete von der südöstlichen Ostseeküste im Westen bis zu dem mittleren Dnepr und Okaoberlauf im Osten. Um 500 v. u. Z. begannen sie sich in mehrere Dialektgruppen zu teilen.

Archäologisch besteht die Dneprgruppe der Balten aus einigen verwandten Kulturen der frühen Eisenzeit: der Dnepr-Düna-Kultur (am Flusse Dnepr in den Gegenden von Smolensk und an der Duna bei Polotzk und Witebsk), der Oberoka-Kultur (am oberen Lauf der Oka) und der Juchnowo-Kultur (an dem Flusse Desna) (Abb. 1). Die Kulturen zeichnen sich durch eigenartige Burgberge mit umlaufendem Gebäudering, auch durch eine eigenartige Keramik aus. Die wichtigste Wirtschaftsform war die Viehzucht. Diese Kultur wurzelt auf der späten schnurkeramischen Kultur des Dneprbassins (der Sosniza-Kultur).

Im Westen grenzte die Dneprgruppe der Balten an die Strichkeramik-Kulturgruppe, die einem anderen Stamme der Balten zugeschrieben sein kann. Die Nachbarn im Südwesten waren die Stämme der Milograd-Kultur, später die der Sarubinez-Kultur. Im Norden und Nordosten waren die Finno-Ungrier ansässig, im Südosten die Skythen. Am Seim kann man direkte Spuren der balto-iranischen Kontakte bemerken.

An der Grenze der 1. und 2. Jahrhunderte fand die Migration der Sarubinezbevölkerung nach dem Flussstatt Desna. Durch die Zusammenwirkung der Sarubinez- und Juchnowo-Kultur entstand eine Potschep-Kultur.

Seit dem 2. bis 3. Jahrhundert u. Z. fingen die Nachkommen der Sarubinezbevölkerung an nach dem Oberlauf des Flusses Oka zu übersiedeln, und bildeten dort die Mostschina-Kultur, deren Träger die Vorkommen des mittelalterlichen Stammes "Goljad" waren. In dem Goljadgebiet sind noch mehrere Hydronymen west- und ostbaltischer Herkunft zu treffen. Man könnte meinen, dass die Dneprbalten, denen die Oberoka-Kultur eigen war, von einem Zweige der Westbalten assimiliert wurden.

Im dneprbaltischen Gebiet entwickelte sich die Kultur ruhig vor sich hin, ohne Störungen von Einwanderungen der Sarubinezstämme. In der Mitte des 1. Jahrtausends u. Z. entstand auf der Grundlage der Dnepr-Düna-Kultur die Tuschemlja-Banzerowtschina-Kultur, die sich auch über die östlichen Teile der Strichkeramik-Kultur verbreitete. Das

должно было быть проникновение Днепрбалтов в область культуры стрихкерamik. В середине I тысячелетия н. э. возникло в Дзенагском районе колочинская культура, которая имеет много сходства с тусчелю-банзеровичской культурой.

Также, в третьем четверти I тысячелетия н. э. были в Дзенагской группе балтов на всем протяжении в верховьях Днепра и в одной части Полоцко-Витебского района на Дзене (рис. 2). Подобная культура имеет слабо профилированную керамику и надземные столбовые дома, но также и углубленные строения с центральными столбами, т. е. встречаются плоские захоронения с захоронениями и бедными захоронениями.

В VI–VII вв. должно было быть проникновение славян в область Днепрбалтов.

К ВОПРОСУ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЛИТВЫ I–VIII вв. н. э.

Р. Волкайте-Куликаускаене (Вильнюс)

Выяснение этнической принадлежности отдельных археологических культур — одна из важнейших задач археологии. Этническими проблемами археологи начали заниматься с середины XIX в. К этому периоду относятся первые попытки выяснить время появления балтов на территории Восточной Прибалтики, а также определить их отдельные племенные объединения. Большое внимание этому вопросу уделялось в 20–30-е гг. XX в., но особенно широко он изучался после второй мировой войны. За это время накопилась обширная литература по этническому вопросу [1, с. 7–12]. Однако несмотря на крупный вклад ученых в исследование данного вопроса, он далеко еще не решен. Сложность проблемы, а также новые археологические материалы требуют дальнейшей разработки и дополнений. Новые данные позволяют точнее охарактеризовать отдельные археологические культуры, проследить их эволюцию и попытаться сопоставить их с культурой племен, известных из письменных источников.

Была предпринята попытка определить этническую принадлежность грунтовых могильников центральной и прилегающей к ней части западной Литвы I–VIII вв. н. э.

Племенные объединения на современной территории Литвы выделяются с первых веков н. э., о чем свидетельствуют ярко выраженные отдельные археологические культуры. На литовском побережье найдены грунтовые могильники, обложенные каменными венцами, захоронение в которых было совершено по обряду труположения, на севере Литвы — курганы с труположением, на востоке — культура штрихованной керамики, хорошо известная по исследованиям городищ, на юго-западе — каменные погребения. Для нас представляет интерес этническая принадлежность и дальнейшая судьба культурной группы центральной Литвы, где обнаружены грунтовые могильники первых веков н. э. без внешних устройств [2, с. 81–82, рис. 2]. Этническая принадлежность культуры грунтовых могильников центральной Литвы вызывает оживленные споры исследователей.

Самые ранние грунтовые могильники с труположениями в центральной Литве датируются I–IV вв. н. э. Они расположены в низовьях рек Нявежис и Нярис до Дубисы на западе. Южной границей является Нямунас (Неман). Здесь насчитывается до 10 исследованных грунтовых могильников (рис. 1): Саргенай, Вяршвай (на территории Каунаса), Кремала и Крувандай Каунасского р-на, Раудоненай, Велюона, Сярджюс Юрбаркского р-на и др. К северу господствуют курганные

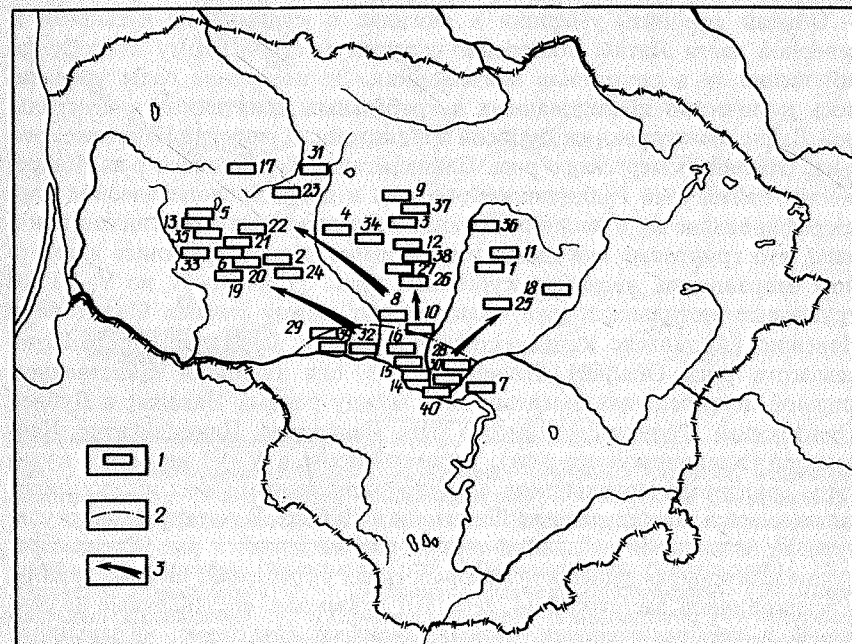

Рис. 1. Грунтовые могильники I–VIII вв. н. э. в центральной и западной Литве: 1 — грунтовые могильники; 2 — граница наиболее ранних (I–IV вв. н. э.) грунтовых могильников с труположениями; 3 — направление распространения грунтовых могильников из древнего центра. Обозначенные на карте могильники: 1 — Аншишкис (Кедайский р-н); 2 — Антигинкай (Шилальский); 3 — Аугменай (Радвилишский); 4 — Будрайчяй (Кельмеский); 5 — Бурбишкяй (Шилальский); 6 — Даргалай (Шилальский); 7 — Эйгуляй (Каунасский); 8 — Гелува (Расейнский); 9 — Гимбогала (Радвилишский); 10 — Граужяй (Кедайский); 11 — Гринюнай (Паневежский); 12 — Кайренеляй (Радвилишский); 13 — Каштауналяй (Шилальский); 14 — Кремала (Каунасский); 15 — Крувандай (Каунасский); 16 — Лауксвидай (Каунасский); 17 — Мауджюрнай (Кельмеский); 18 — Обяляй (Укмергский); 19 — Паэжерис (Шилальский); 20 — Пагрибис (Шилальский); 21 — Паижинис (Шилальский); 22 — Пакальнишкяй (Шилальский); 23 — Паклибакяй (Кельмеский); 24 — Пашешувис (Расейнский); 25 — Пашете (Кедайский); 26 — Пашувис (Кедайский); 27 — Плинкайгалис (Кедайский); 28 — Радиняй (Каунасский); 29 — Раудоненай (Юрбаркский); 30 — Саргенай (Каунасский); 31 — Саугиняй (Шяуляйский); 32 — Сярджюс (Юрбаркский); 33 — Шаркай (Шилальский); 34 — Шаукотас (Радвилишский); 35 — Шядува (Шилальский); 36 — Упите (Паневежский); 37 — Вайнюнай (Радвилишский); 38 — Вайтекунай (Радвилишский); 39 — Велюона (Юрбаркский); 40 — Вяршвай (Каунасский).